

УДК 1 (091)

Семантика интерпретации А.Ф. Лосева и семантические теории в XX веке

Куссе Хольгер

Технический университет, Дрезден, институт славистики

Аннотация. В статье представляется теория семантики раннего и позднего А.Ф. Лосева. Если в ранних произведениях значение представляется им как семантический узел, который в потоке речи (в высказывании, в рассказе или же в мифе) развертывается, то в поздних произведениях Лосев видит в инвариантном значении, в том числе грамматических категорий, силу интерпретации мира говорящим, т.е. подобно метафоре инвариантным значением языковых единиц определяется суть обозначаемых вещей. Эта семантика интерпретации Лосева сравнивается со сходными представлениями его времени, такими, как теория этимона Павла Флоренского, и с современными теориями семантики, в первую очередь с понятием прототипа.

Abstract. The paper deals with the semantic theory of A.F. Losev in his early period up to 1930 as well as in his linguistic investigations in the 70th and 80th of the last century. In his early works, especially in the "Philosophy of the Name" and the "Dialectics of Myth", Losev sees in *meaning* a semantic cluster, which becomes "open" and develops within speech (in sentences, narrations or myths). The works of the late period investigate invariant meanings of words and grammatical categories in the sense of some interpretive force. Using a word or some grammatical category, the speaker already interprets some state of affairs. In a sense, all invariant meaning seems to be metaphorical, i.e. meanings are interpretations of the world. Losev's "Semantic of interpretation" has been compared to explicit and inherent semantic theories of Pavel Florensky and Edmund Husserl. Furthermore some parallels to actual semantic terms have been drawn, firstly to the term of prototype.

Ключевые слова: теория семантики, языкознание, теория языковой инвариантности, лингвистическая философия, имяславие, структура языка, языковедческий анализ, языковые коммуникации

Key words: semantics theory, linguistics, theory of language invariance, linguistic philosophy, language structure, linguistic analyse, language communication

1. Теории инвариантности в начале XX века

В начале XX века совершилась революция в языкознании – и совершилась она как внутри самого языковедения, так и вне его, в том числе и в философии. Революция эта привела к новым представлениям о языке на всех его уровнях (от фонетики до синтаксиса), но главным ее последствием оказался сдвиг в области семантики. Следует упомянуть хотя бы такие имена, как Иван А. Бодуэн де Куртенэ (1845-1925), Фердинанд де Соссюр (1857-1913) и, в философии, Эдмунд Гуссерль (1859-1938). Все эти имена связаны с переходом от историзма и психологизма гуманитарных наук XIX века к объективистскому и системному подходу в вопросах математики, логики и языка (см. *Coseriu*, 1992). В это время формировался современный взгляд на вопросы *значения* как отдельных языковых единиц, так и простых или сложных суждений. Вопреки психологизму, *значение* и *суждение* понимались при этом не только как человеческие акты и представления, но и как объективные и тем самым независимые от человека содержания. В своих "Логических исследованиях" (1900-1901) Гуссерль говорит о "суждении" (*Urteil*) как об "идеальном единстве значения" (*ideale Bedeutungseinheit*). Так, например, мы можем рассматривать суждение "Бог справедлив" как внутреннее переживание того, кто судит, а в то же время суждение утверждается как объективное содержание, независимое от человеческого предположения и восприятия. Другими словами, несмотря на то, что *суждение* может переживаться, само его *содержание* является идеальным и единым *значением*, образованным посредством связей логического субъекта *Бог* и предиката *справедлив*. Утверждая подобное положение либо отрицая его, мы не одобряем или отвергаем акт переживания суждения, а выступаем за или против его содержания; ср. следующую цитату из первого тома "Логических исследований":

"Кто с логически-аналитической целью говорит: категорическое суждение «Бог справедлив» имеет субъектом представление «Бог», тот, наверное, не говорит о суждении, как психическом переживании своем или другой личности, а также не о психическом акте, который здесь предполагается и возбуждается словом «Бог»; он говорит о положении «Бог справедлив» как таковом – о положении, которое едино вопреки многообразию возможных переживаний, и о представлении «Бог», которое опять-таки едино, ибо иначе оно и не может быть отдельной частью единого целого. Сообразно с этим логика под выражением «каждое суждение» понимает не «каждый акт суждения», а «каждое объективное положение»" (*Гуссерль*, 2000).

"Объективное положение" предполагает устойчивые значения и субъекта, и предиката, в данном примере "Бог" и "справедлив", между тем как в каждом отдельном акте суждения и его восприятия как тот, кто судит, так и воспринимающий суждение могут придавать словам "Бог" и "справедлив" свои специфические и ситуативные значения. Таким образом, суждение и его части являются одновременно устойчивыми, объективными и меняющимися, субъективными единицами. Из этого следует главная задача теоретической семантики. Она состоит в выявлении отношений между инвариантными и вариантными значениями языковых единиц (слов, синтаксических единиц, грамматических категорий) в системе языка, а также на уровне высказывания. Теории семантики могут обосновывать первичность либо инвариантность или вариантность в языке, и мне кажется не случайным, что как раз в короткой эпохе между концом XIX века и началом Первой мировой войны возникли различные теории инвариантности, в том числе феноменология, математическая логика и структурализм. Теории инвариантности дали ответ на мучительные вопросы о надежности убеждений и ценностей, в то время, когда эти ценности и убеждения растворялись в кризисе культуры. В России, где "Логические исследования" Эдмунда Гуссерля оказались особенно влиятельными (Haardt, 1993; Denes, 1998), С.Л. Франк (1877-1950) приветствовал "принципиальный объективизм Гуссерля" как "широкий культурно-философский смысл, как одинокий, но сильный протест как бы самого научного духа против распространяющихся влияний скептического и субъективистического умонастроения, грозящих пошатнуть доверие к научной истине и поколебать ее самодовлеющее значение" (Франк, 2000; Haardt, 1993).

"Страсть к инвариантности" в первом десятилетии XX века не ограничивалась узкой сферой академических наук, свидетельством чему – явление "имяславия" в монашеских кругах Православной церкви, вслед за которым возникла своеобразная русская "философия имени" П.А. Флоренского (1882-1937), С.Н. Булгакова (1873-1944), А.Ф. Лосева (1893-1988) и др. (см. *Имяславие*, 2002; *Лескин*, 2004; *Schultze*, 1951; *L'onomatodoxie*, 2007). В рамках имяславия, в его апологетике, в обоснованиях и оправданиях веры в то, что в имени Бога якобы присутствует сам Бог, встречаются, как ни странно, лингвистические аргументы, близкие теориям имени собственного второй половины XX века (Кицве, 2006; Куссе, 2007), а в "философии имени" кроме того наблюдается частичная близость сегодняшнему когнитивизму.

В контексте названных лингвистических и философских разработок и религиозных движений возникла теория семантики раннего А.Ф. Лосева. Она дала почву и для его поздних лингвофилософских и языковедческих работ, все более приближающихся к когнитивизму. В своих произведениях 60-х – 80-х годов Лосев развил особую теорию инвариантности, которую я предлагаю назвать *семантикой интерпретации*. Различие между ранним и поздним подходами состоит, коротко говоря, в том, что если в ранних работах, в том числе в "Диалектике мифа" (1930) или в "Философии имени" (1927), "значение" понимается Лосевым как семантический узел, который в потоке речи (в высказывании, в рассказе или же в мифе) развертывается, то в своих поздних произведениях, таких, как например "Языковая структура" (1983), он видит в инвариантных значениях лексем или грамматических категорий определенные интерпретации мира, к которым говорящий при их использовании присоединяется.

2. Имяславие и философия имени

Убеждение, что вместе с внутренней молитвой и повторением имени "Иисус" явится свет Божественный, потому что в "Имени Иисус находится Своим присутствием Сам Господь Иисус Христос", как выразился известный имяславец *Иларион* (2002), сводится в имяславии к общей иконо-отражательной семантике. Это показывает пример: "И может ли быть что-либо без имени? Имя выражает самую сущность предмета и неотделимо от него" (*Иларион*, 2002).

В "философии имени" С. Булгакова этот подход к значению имен углубляется включением акта названия и, что еще важнее, призывания. "Им [именем; Н.К.] Бог не только призывается, но Он уже присутствует в этом призывании" (*Булгаков*, 1991).

Присутствие Бога здесь не столько связано со словом как таковым, сколько с использованием имени, однако, присутствие не свойственно актам призывания, а является его содержанием.

В работах Лосева "Философия имени" и "Вещь и имя" мы находим еще более обширный вариант данной языковой теории. Здесь язык, в том числе слово, а в свою очередь слово и вещь, в сущности не различаются, ибо все в мире, все существующее, может обладать значением для самого себя и для некоего другого, т.е. все может выступать в качестве знака и выражения чего-то другого, и в этой сети взаимообщего обозначения все является и словом, и выражением сущности обозначаемого: "Весь физический мир, конечно, есть слово и слова, ибо он нечто значит, и он есть нечто понимаемое (...) Без такого слова нет у нас и никакого другого слова" (*Лосев*, 1993b). "Наименованная сущность есть нечто целое, частями которого являются сущность и ее имя" (*Лосев*, 1993a).

Данная общесемантическая теория, или онтологическая семантика в нереперенциальном, но сущность выражаемом смысле, явилась основой лосевской коммуникативной, а позже интерпретативной

семантики. К тому же в ней, как и в имяславии, можно узреть немаловажную параллель с одной из значительнейших теорий собственных имен XX века, а именно: с *теорией семантических кластеров* Людвиг Виттгенштейна и, позднее, Джона Серля (*Wittgenstein*, 1984, § 79; *Searle*, 1967).

По теории кластеров, мы понимаем любое собственное имя через знание более или менее полного, привычного и правильного набора отдельных значений, которые заключаются в имени. Так, например, мы можем говорить об Аристотеле и знаем, о чем речь, услышав это имя из уст собеседника, если у нас имеются по крайней мере такие знания, как "античный философ", "автор метафизики" и т.п. То есть в наше знание, необходимое для понимания и правильного употребления имени Аристотеля (относительно именно *того* Аристотеля), входят и специальные знания общих понятий "философ", "автор", "метафизика" и т.д. Сравнив теорию кластеров с описанием условий настоящей молитвы у имяславца Антония, мы увидим у последнего именно такое понимание имени: "Для того, чтобы обратиться к Богу, молящийся необходимо должен вообразить в уме своем какое-либо определение свойств Божиих, то есть какое-либо Имя Божие, как например: или «Благой», или «Страшный», или «Великий», или «Спаситель наш», или «Творец наш» (...)" (*Антоний*, 2002). Исходя из этой теории, легко понимается лосевское изречение о том, что "Имя вещи есть такое орудие общения с вещью, которое *приводит к пониманию вещи*" (*Лосев*, 1993b).

Неудивительно, что и имяславие, и философия имени напрямую связаны с теориями языковой инвариантности, ибо оба эти направления исходят из имени собственного как фундаментального принципа языка, а имя собственное всегда однозначно, т.е. инвариант, иначе оно не было бы именем *собственным*. Примечательно однако, что в то же самое время в русской философии весьма обширно распространялось познание разногласия, непонимания, изменения значения и его контекстуальной обусловленности. Одним словом, факт инвариантности соотносился с гибкостью языковой коммуникации. Неслучайно Павел Флоренский утверждает, что в разговоре только внешняя форма слова (т.е. морфологический строй) является устойчивой и единой, внутренняя (т.е. значение) таковой быть не может. "(...) семема слова непрестанно колышется, дышит, переливает всеми цветами и, не имея никакого самостоятельного значения, уединенно от *этой* моей речи, вот *сейчас* и *здесь*, во всем контексте жизненного опыта, говоримой, и притом в *данном* месте этой речи. (...) Объективно единым (...) в разговоре бывает только *внешняя* форма слова, но никак не *внутренняя*" (*Флоренский*, 1990). Однако, если гибкость и изменение семантики языка в истории, в зависимости от контекста и личностей говорящего и слушающего, является неизбежным фактом, неизбежным будет и вопрос, почему мы вообще понимаем друг друга. У отца П. Флоренского мы находим на этот вопрос однозначный ответ, который я называю *мистификационной семантикой*. А сущность ее – в предположении устойчивого семантического корня, названного Флоренским "этимомом", который внутренне познается собеседником, но внешне никак не выражается и не объясняется. "Воистину, слово есть инвариант, но инвариантность эта невыразима словесно же" (*Флоренский*, 1990).

У А.Ф. Лосева, однако, наблюдается еще и другой, коммуникативный подход, или, в оценке *Л.А. Гоготшивили* (1994), "коммуникативная версия исихазма". В некотором смысле можно говорить о мистификации коммуникативных значений. Ведь главная идея здесь заключается в том, что значение формируется и стабилизируется в самом общении. Этот коммуникативный подход к семантике осуществляется Лосевым и определением языковых категорий, и самым стилем своего изложения. Особенно ранние его произведения отличаются, как известно, внутренней диалогической формой. Как замечает *Е. Тахо-Годи* (2007), "установка на диалогичность – одна из особенностей «восьмикнижия», изложение часто ведется как обычная беседа" (см. также *Куссе*, 1999; *Кибе*, 2004; *Гоготшивили*, 2006). Языковые понятия, в том числе *имя*, определяются и трактуются через их коммуникативную функцию. Почему человек вообще носит свое имя? – Не только потому, что другие его так называют, но и потому, что он на это имя как на *свое* реагирует (*Лосев*, 1993b). Подобное коммуникативное понимание имени Лосев обобщает и переносит на все языковые и внеязыковые знаковые формы, т.е. формы с обозначающей функцией. "Весь физический мир, конечно, есть слово и слова, ибо он нечто значит, и он есть нечто понимаемое (...) Без такого слова нет у нас и никакого другого слова" (*Лосев*, 1993a).

В работе "Вещь и имя" (20-е годы) развивается мысль, что все есть имя, т.е. все коммуницирует со всем в бесконечном и одновременно замкнутом круге обращения и познания. "Имя вещи есть орудие общения с нею как с живой индивидуальностью (...) предмет слышит это имя, отвечает на мой зов, сочувствует ему, соответствует и отвечает ему. (...) Принципиально же именование всегда рассчитано на то, чтобы именуемое *откликнулось* на это именование". "Имя вещи есть орудие общения: это значит, что вещь общается, прежде всего, *сама с собою*, а *затем и поэтому* – со всякими другими вещами" (*Лосев*, 1993b).

С этим обширным и всеохватывающим коммуникативным пониманием имени соотносится и представление о значении как узле семантических признаков, сконцентрированных в отдельной форме слова и развертывающихся в предложении или в тексте. Поэтому у Лосева такие понятия как *имя* и *миф*

взаимозаменяемы, одно понятие может выступать вместо другого, а миф может отождествляться с "развернутым магическим именем". Из этого следует главное относительно лосевского понимания значения; и оно состоит в том, что настоящее значение слова, имени или мифа представляет собой сущность обозначаемого предмета, и что оно, несмотря на гибкость и противоречивость актуальных смыслов, реализуемых в текущих беседах, едино. В противном случае понимание вещи через ее имя (слово, которым она обозначается) не было бы возможно.

На фоне представленных выше рассуждений является уместным и необходимым дать оценку семантике Лосева с точки зрения общих семантических теорий XX века, чтобы потом обратиться к семантике позднего Лосева, в моем определении интерпретационной. Итак, основываясь на двух типах семантики: онтологической (репрезентативной) и коммуникативной (прагматической), семантику Лосева, несмотря на ее общий метафизический онтологизм (значение – сущность обозначаемого предмета), следует считать коммуникативной. Репрезентационализм, как правило, соотносится с теориями инвариантности значения (определенный знак репрезентирует определенный предмет), а под прагматизмом понимается предположение семантической гибкости. Обособляется наблюдение семантического варьирования в потоке коммуникации и предполагается, что значение лишь через конкретный совместный речевой контекст становится определенным и тем самым понятным для участников коммуникации. Другими словами, с точки зрения прагматизма значение является функцией отдельных коммуникативных актов, посредством которых оно каждый раз по-новому конструируется.

У Лосева как онтологизм и предположение инвариантности, так и коммуникативное понимание значения не исключаются, а трактуются как две стороны одной медали; иначе говоря, философия языка Лосева позволяет понимать значение и как коммуникативную функцию, и как инвариант.

3. Поздний А.Ф. Лосев и современные теории семантики

Представление о коммуникативном статусе инвариантного значения развивается А.Ф. Лосевым в его поздних семиотических и лингвистических работах. Лосев его описывает диалектическими формулами, такими, как, например, следующим определением гумбольдтовского понятия *энергия*: "Если (...) речевой поток (...) есть энергия, то с одной стороны, он неделим и нерасчленим, т.е. он обладает всеми свойствами континуума; а с другой стороны, он (...) и делим и расчленим, так как иначе он лишился бы всякого смысла, и слушающий не мог бы даже отдаленно понять говорящего" (Лосев, 1989).

В потоке речи, просматриваемой как континуум, ни знаковые формы, ни значения невозможно четко расчленивать, ограничить и определить. Но даже если речевой поток расчленяется, одни и те же формы и значения могут колебаться и варьироваться. Действительность коммуникации, в которой обязательным образом меняются контексты и участники, не может не приводить к выводу, что каждая знаковая форма или категория обладает бесконечными возможными значениями. Поэтому в "Структуре языка" Лосев говорит о "законе полисемии" и использует такие формулы как "жизненно-коммуникативное значение" при анализе хотя бы таких малых единиц, как, например, префикс *про-* (Лосев, 1983). Множество и даже безграничность смысловых оттенков подобных языковых элементов следует по Лосеву из коммуникативного употребления языка. Отражение меняющихся коммуникативных отношений в языковых единицах позволяет ему даже назвать аффикс "живым существом", поскольку он, как и язык в целом, непосредственно связан с живыми, меняющимися отношениями между людьми.

"Если язык доподлинно является орудием жизненного общения людей, то и на самом этом орудии не могут не отражаться людские жизненные отношения. И это очень хорошо, что какой-нибудь малозначащий префикс вдруг зажил и загулял у нас как самое настоящее живое существо" (Лосев, 1983).

Описать динамику семантических процессов и увидеть в них определенную структуру и неменяющиеся правила оказывается главной задачей языковедческого анализа, которая, однако, не всегда может быть удовлетворительно решена. В случае префикса *про-* семантическое определение остается у Лосева до определенной степени открытым, и он не может не закончить эту главу монографии "Языковая структура" некоторым фатализмом. "То живое существо, о котором мы сейчас говорим в связи с разумно жизненными функциями языковой сигнификации, – вот в данном случае та языковая структура, без которой действительно невозможно никакое семантическое исследование. Установление подобного рода структур – дело, конечно, не легкое. Но к нему надо привыкать" (Лосев, 1983).

Однако же исключительный характер вариативности, во-первых, сделал бы невозможной как когнитивную обработку восприятия действительности, так и коммуникацию, а во-вторых, она бы привела к исчезновению самой вариативности, так как восприятие вариативности все-таки всегда зиждется на осознании одновременной стабильности варьируемого (см. также *Auburger*, 1993). Тем самым нам приходится иметь дело с диалектикой тождества и различия (диалектика тождества и различия слова или грамматической категории) как условием возможности коммуникации: "Только благодаря (...) живой диалектике тождества и различия слова или грамматической категории, только

благодаря этой живой диалектике сущности и явления в области семантики и возможно общение между людьми, возможно сообщение о предметах и явлениях" (Лосев, 1983).

Диалектику (или же парадокс) устойчивости и изменчивости в языке наблюдает не только Лосев. Современные теории семантики предлагают несколько путей преодоления этой мнимой противоречивости. Так, парадокс коммуникативной необходимости инвариантного значения и наблюдения бесконечности семантического варьирования возможно преодолеть, отказываясь от спорного понятия инварианта и заменяя его понятием *прототипа*. Прототипное значение является лишь ядром семантического пространства определенной знаковой формы, причем вещь и значение знака в описании не отличаются. Так, например, прототип *птицы* в представлении большинства европейцев летает (а нелетающие, такие, как пингвин или страус находятся на периферии этого вида животных), и это свойство входит в прототипное значение слова *птица*. Подобное значение, с одной стороны, едино и устойчиво, а с другой стороны, оно позволяет беспредельное варьирование актуальных смыслов, отличающихся друг от друга близостью или отдаленностью от прототипного ядра. Прототипы – это ментально и зачастую образно заданные человеческие представления. При помощи их формируются концепты вещей, которые познаются целостно и не сводятся к набору отдельных и изолированных друг от друга инвариантов. В "Кратком словаре когнитивных терминов" в качестве примера приводится "различие между елкой и сосной", которое мы знаем "не потому, что можем представить их как совокупность разных признаков (...), но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно" (Кубрякова и др., 1996; цит. по Родионова, 2005).

Родионова (2005) указывает на близость понятий *концепта* и гуссерловской *ноэмы* в изложении Лосева. В "Философии имени" Лосев рассматривает ноэму как "форму присутствия предметной сущности (...) в инобытии", при этом "под инобытием мыслится человеческое или иное сознание" (Лосев, 1993а; Родионова, 2005). В поздних работах, в том числе в книге "Проблема символа и реалистическое искусство" (первое издание 1976) встречаются понятия *символа* и *модели*, отличающиеся от *концепта*, *прототипа* или *ноэмы* тем, что под ними подразумевается не только познавательная, но и порождающая сила. Символ, пишет Лосев (1994b) "требуется для себя не просто модели, но еще и *порождающей модели*". Порождающей моделью не только представляется, но и моделируется предмет, т.е. предмет этой моделью создается.

Однако парадокс инвариантности и вариантности преодолевается не только когнитивными понятиями прототипа или концепта. Оно возможно и в рамках компонентного анализа. Причем, как показала Анна Вежбицкая, между описанием значения, выступающем в качестве набора семантических признаков, и определением значения, являющимся прототипным представлением, не следует видеть противоречий (Wierzbicka, 1990). Роланд Познер различает два подхода к объяснению инвариантности, которые он называет *максимализмом* и *минимализмом кода* (Posner, 1997). В первом количество семантических признаков максимально большое. Поэтому предполагается принципиальная полисемия всех знаковых форм. Эта полисемия устраняется лишь в потоке коммуникации, т.е. контекст выступает как семантический фильтр. Он служит моносемизации естественной полисемии знака. В данном широком определении инвариантности остается проблематичным, что количество семантических признаков не только трудно обозримо, но в принципе даже бесконечно. Как справедливо замечает Лосев, "таких единичных значений знак может иметь бесконечное количество" (Лосев, 1994а). Именно аргумент безграничности семантических оттенков и варьирований Лосев (1983) применяет в полемике против математических (в смысле числительных) методов в языкознании (см. также Шаумян, 1999; Троицкий, 2007). На вопрос, "можно ли свести язык на математические формулы?" Лосев дает следующий ответ: "То, что мы называем словом, если иметь в виду контекст человеческой речи, обладает бесконечными семантическими оттенками и бесконечными грамматическими возможностями. Даже простой звук человеческой речи настолько бесконечен по своим артикуляционным и акустическим свойствам, что для него возможны только самые общие математические обозначения, и их невозможно выразить во всех их оттенках методами математики" (Лосев, 1983).

Так как семантические оттенки бесконечны, предположение максимализма кода волей-неволей приводит к отрицанию устойчивого значения. В противовес этому теория инвариантности избегает проблем бесконечности значений знаковых форм. На основе минимализма кода здесь констатируется лишь довольно ограниченное или даже только единичное инвариантное значение, не меняющееся в любых формах употребления соответствующей знаковой формы. В рамках минимализма кода следует различать два типа значения: *общее* и *основное значение*. О них говорит и известный аспектолог и представитель функциональной грамматики А. Бондарко (2002). Он указывает на то, что между тем, как общее значение отличается высокой степенью отвлеченности и должно охватывать все частные значения знака, основное значение, также присутствующее во всех употреблениях знака, должно быть фундаментальным и представлять семантическое ядро, хотя ему не свойственен "всеохватывающий" характер. Основное значение конкретно. Оно может быть даже весьма узко. В случае общего значения

контекст, как и при максимализме кода, выступает в роле фильтра, однако делает он это не моносемируя полисемический знак, а конкретизируя отвлеченное значение. Такую семантическую модель мы находим у Р. Якобсона или А. Вежбицкой (*Jakobson, 1971; Wierzbicka, 1996*). Так, например, трактуя значения грамматических падежей, Якобсон предлагает для именительного падежа сугубо отвлеченное определение "немаркированный (безпризнаковый) падеж". Модель основного значения является центральной в различии центра и периферии в семасиологии Пражской школы. В современной науке теория основного значения с прагматической точки зрения была развита французскоязычным швейцарским лингвистом Жаком Мёшлером. Согласно его теории, минимальное устойчивое значение любого знака обогащается при его употреблении контекстными информациями (*Moeschler, 1996*). Основное значение является ограниченным, как и прототипное, но оба эти значения не совпадают, ибо такое представление, как, например, *летающее животное*, входит в прототип *птицы*, но оно, как известно, не обязательно. В отличие от этого, основное значение неустраимо. Оно – действительный инвариант.

Предположение основного значения в рамках минимализма кода присуще и семантике А.Ф. Лосева. Однако он развивает этот семантический принцип, прибегая к смыслу и термину *интерпретации*, т.е. основное значение (инвариант), по нему, не только устойчивый, более или менее "пассивный" элемент всех возможных смыслов, выражающийся в коммуникативных действиях определенным знаком, оно представляет собой еще и активную, смысл порождающую силу. Понятие *интерпретация* появляется у Лосева уже в 20-х годах, а именно в очерке "Самое само", где он утверждает: "Всякая вещь есть предмет бесчисленных интерпретаций" (*Лосев, 1994b*). В поздних лингвистических работах Лосев предлагает общие определения и утверждения относительно интерпретирующей силы языка. "Язык не повторяет чистую и абстрактную стихию мысли, но он ее осуществляет, реализует и заново *интерпретирует*, чтобы стать ближе к действительности в ее первоначальном и для мышления исходном существовании. Но язык не есть также и буквальное повторение исходной действительности. Используя мыслительный аппарат, язык определенным образом интерпретирует и эту действительность" (*Лосев, 1983*).

Следовательно, по Лосеву, инвариантное основное значение знака не обогащается контекстом, а, напротив, само дает контексту определенную интерпретацию. Иными словами, основное значение (инвариант) позволяет говорящему и слушающему (и даже вынуждает их) увидеть обозначаемое в определенной перспективе. Это относится как к отдельными лексемам, так и к грамматическим категориям. О них пишет Лосев: "Грамматические категории, дающие то или иное понимание действительности, служат для переделывания ее в самых разнообразных направлениях" (*Лосев, 1983*).

Именительный падеж, например, для Лосева не является безпризнаковой формой, как считал Р. Якобсон, – напротив, в нем он видит определенную сигнификативную функцию, а именно: указание на "тождества предмета с самим собою" (*Лосев, 1983*). Подобным образом и части речи, и члены предложения в разных падежах выполняют специфические интерпретирующие функции, ср.: "[С]уществительное выражает не самую субстанцию как таковую, но – все, что угодно как субстанцию, и глагол выражает не действие само по себе, как оно фиксируется в логическом понятии действия, но выражает любое действие и не действие, но понимаемые в обоих случаях как действие" (*Лосев, 1983*).

"[П]одлежащее не есть ни предмет изображения или высказывания, ни субъект действия, а решительно все, что угодно (то есть и предмет высказывания, и не предмет высказывания, и субъект действия, и не субъект действия), но понимаемое и сообщаемое как предмет высказывания или как субъект действия". "В предложении «Мне хочется пить» слово «мне» отнюдь не обозначает направления действия, а субъект действия или субъект состояния, понимаемый и выражаемый как объект, к которому направляется действие" (*Лосев, 1983*).

Лосевская трактовка отношения между членом предложения, его грамматическим падежом и его семантической ролью во многом напоминает различие внутренних и внешних падежей в понимании Чарлза Филмора (*Fillmore, 1968*). Особенность лосевской теории, однако, заключается именно в интерпретационной функции употребления падежных форм. Моделью этой семантики является метафора, и не случайно Лосев включает в анализ грамматических категорий пример лексической метафоризации: "Наконец, если бы именительный падеж, как и вообще всякое слово, был бы только прямым и непосредственным отражением действительности без всякой модификации, в зависимости от того или иного специального понимания этого отражения, то никакой именительный падеж, как и вообще никакое слово, не мог бы пониматься и употребляться в переносном смысле. Если бы слово «смех» было только отражением известного предмета в его непосредственной значимости и не было бы известного рода пониманием этого предмета, то Горький не мог бы употребить выражения «Море смеялось». Море не человек и не имеет человеческой физиономии, а потому и не может смеяться. Если сказано, что море смеялось, то это только потому, что слово «смех» вовсе не обозначает смеха как такового, но вообще обозначает все, что угодно как смех. Море, например, вовсе не может смеяться, если его брать как

предмет, как объективную действительность. Но в порядке интерпретации оно вполне может и смеяться, и плакать, и рыдать, и стонать, и нежиться, и реветь. Поэтому слово «смех» не есть обозначение непосредственного предмета смеха, а понимание любого предмета – как смеха" (Лосев, 1983).

Семантика интерпретации позволяет познать инвариантные значения в беспредельной многочисленности смысловых оттенков одной и той же грамматической категории либо формы или же отдельного слова. И эти инварианты потому не противоречат коммуникативной динамике придавания и понимания смыслов, потому что они в сущности представляют собой своего рода коммуникативные законы, т.е. правила, позволяющие понимать актуально употребляемые знаковые формы в определенном смысле. Тем самым возможность коммуникативно-интерпретативной обработки действительности вложена в языковую систему еще до уровня высказывания, как функционально коммуникативная инвариантность значения (см. также Шаумян, 1999).

Параллели к лосевской коммуникативно-интерпретационной семантике инвариантности встречаются сегодня в рамках прагмалингвистики, концептуальной семантики и отчасти также в философском прагматизме. Они выражаются такими терминами, как, например, *интегральная прагматика* (*pragmatique intégrée*) (Anscombe/Ducrot, 1983; 1986; Bracops, 2005), *интегральное описание языка* (Апресян, 1995), *философия интерпретации* (*Interpretationsphilosophie*) (Abel, 1995; Lenk, 1993). Однако нельзя не учитывать и тот факт, что лишь контекст текста и коммуникативная ситуация определяют, что собственно интерпретационным семантическим инвариантом знака интерпретируется. Следовательно, интерпретационная сила знака и контекст постоянно интерагируют в потоке коммуникации. Исходя из этого взаимоотношения семантика Лосева позволяет и дальнейшее развитие в сторону инференциальных лингвистических и лингвофилософских направлений (Moeschler, 1996; Brandom, 1994; 2000). С этой точки зрения семантическую интерпретацию следует рассматривать как умозаключение, следующее из данных информации коммуникативного и текстового контекста и семантического инварианта используемого знака. Широкую перспективу для лосевского интерпретационизма откроет, как мне кажется, его включение в общую теорию коммуникативного инференциализма.

Литература

- Abel G.** Interpretationswelten. Gegenwartsphilosophie jenseits von Essentialismus und Relativismus. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1995.
- Anscombe J.C./Ducrot O.** Argumentativité et informativité. De la métaphysique à la rhétorique. Bruxelles, S.79-94, 1986.
- Anscombe J.C./Ducrot O.** L'argumentation dans la langue. Bruxelles, 1983.
- Auburger L.** Sprachvarianten und ihr Status in den Sprachsystemen. Hildesheim/Zürich/New York, Olms, S.31, 1993.
- Bracops M.** Introduction à la pragmatique. Les théories fondatrices: actes de langage, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée. Bruxelles: de boeck, chap.3, 2005.
- Brandom R.** Articulating Reasons. An introduction to inferentialism. Cambridge, Massachusetts/London, Harvard University Press, 2000.
- Brandom R.** Making it explicit. Reasoning, representing and discursive commitment. Cambridge, Massachusetts/London, England, Harvard University Press, 1994.
- Coseriu E.** Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen, Francke, 1992.
- Dennes M.** Husserl – Heidegger. Influence de leur oeuvre en Russie. Paris/Montréal, L'Harmattan, 1998.
- Fillmore C.** The case for case. Universals in linguistic theory. London, p.1-88, 1968.
- Haardt A.** Husserl in Russland. Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špet und Aleksej Losev. München, Wilhelm Fink, S.54, 1993.
- Husserl E.** Logische Untersuchungen I. Prolegomena zur reinen Logik. Tübingen, Max Niemeyer, S.175-176, 1993.
- Jakobson R.** Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. In: *Selected writings II*. The Hague, Mouton, S.23-71, 1971 [1936].
- Kuße H.** Metadiskursive Argumentation. Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev. München, Otto Sagner. (= Sagners Slavistische Sammlung. Bd. 28.), S.362-366, 2004.
- Kuße H.** Von der Namensverehrung zur Namensphilosophie. Ihre Zeichentheoretischen Konzepte. Name und Person. Beiträge zur russischen Philosophie des Namens. München, Otto Sagner 2006, S.77-110. (= Specimina philologiae Slavicae. Bd. 145.), 2006.
- L'onomatodoxie: les glorificateurs du Nom en Russie au debut du XX. siecle. (= Istina. vol. 52/3.), 2007.
- Lenk H.** Philosophie und Interpretation. Vorlesungen zur Entwicklung konstruktionistischer Interpretationsansätze. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1993.
- Moeschler J.** Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. Paris, 1996.

- Posner R.** Pragmatics. In: Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture. Berlin/New York. Bd. 1, S.219-246, 1997.
- Schultze B.** Der Streit um die Göttlichkeit des Namens Jesu in der russischen Theologie. *Orientalia Christiana Periodica* 17, S.321-394, 1951.
- Searle J.R.** Proper Names. In: Philosophical Logic. Oxford, Oxford University Press, p.89-96, 1967.
- Wierzbicka A.** Prototypes saves: on the uses and abuses of the notion of prototype in linguistics and related fields. In: *Meaning and Prototypes: Studies in linguistic categorization*. New York, p.347-367, 1990.
- Wierzbicka A.** Semantics. Primes and Universals. Oxford/New York, 1996.
- Wittgenstein L.** Philosophische Untersuchungen. Tractatus logico-philosophicus. Tagebücher 1914-1916. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt/M., S.225-618, 1984.
- Антоний (Булатович), неросхимонах.** Апология веры во Имя Божие и Имя Иисуса. *Имяславие*, с.9-160, 2002
- Апресян Ю.Д.** Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М., Языки русской культуры, 1995.
- Бондарко А.В.** Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., Языки русской культуры, с.169, 184, 2002.
- Булгаков С.Н.** Православие. Очерки учения православной церкви. М., Терра, с.312, 1991.
- Гоготишвили Л.А.** Коммуникативная версия исихазма. В кн.: А.Ф. Лосев. Миф, число, сущность. М., Мысль, с.878-893, 1994.
- Гоготишвили Л.А.** Непрямое говорение. М., Языки славянских культур, 2006.
- Гуссерль Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест/М.: АСТ, 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000064/>.
- Иларион схимонах.** На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынников во внутреннем единении с Господом наших сердец, чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынников. *Имяславие*, с.183-213, 2002.
- Имяславие. Антология. Е.С. Полщук (глав. ред.). М., Faktorial Press, 2002.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Куссе Х.** Семиотические концепции имяславия и философии имени. В сб.: *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004/2005*. М., Модест Колеров, с.11-44, 2007.
- Куссе Х.** Формы аргументации у П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева. В сб.: *Лосевские чтения: Образ мира – структура и целое*. М., с.144-163, 1999.
- Лескин Дм. св.** Спор об имени Божиим. Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х гг. СПб., Алетейя, 2004.
- Лосев А.Ф.** В поисках построения общего языкознания как диалектической системы. Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. М., Наука, с.5-92, 1989.
- Лосев А.Ф.** Вещь и имя. Бытие. Имя. Космос. М., Мысль, с.802-880, 1993b.
- Лосев А.Ф.** Диалектика мифа. Миф, число, сущность. М., Мысль, с.5-232, 1994a.
- Лосев А.Ф.** Самое Само. Там же, с.299-526, 331, 1994b.
- Лосев А.Ф.** Философия имени. Бытие. Имя. Космос. М., Мысль, с.613-801, 1993a.
- Лосев А.Ф.** Языковая структура. Учебное пособие. М., МГПИ, с.212-214, 177, 167-178, 17-18, 1983.
- Паршин А.Н.** Свет и слово (к философии имени). *Имяславие*, с.529-544, 2002.
- Постовалова В.И.** Наука о языке в свете идеала цельного знания. В сб.: *Язык и наука конца 20-го века*. М., Рос. гос. гуманитар. ун-т, с.342-420, 1995.
- Родионова А.Е.** Диалектика формы и значения слова по "Философии имени" А.Ф. Лосева. Уфа, с.78-83, 2005.
- Тахо-Годи Е.** Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М., Большая российская энциклопедия, с.55, 2007.
- Троицкий В.** Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М., с.10-11, 2007.
- Флоренский П.А.** У водоразделов мысли. (= Сочинения. т. 2.) М., Правда, с.236, 208, 1990.
- Франк С.Л.** Предисловие редактора русского издания. В кн.: Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест/М., АСТ, с.6-9, 2000.
- Шаумян С.** Диалектические идеи А.Ф. Лосева в лингвистике. В сб.: *Лосевские чтения: Образ мира – Структура и целое*. М., Логос, с.334-378, 1999.